

Российские политические эмигранты. Политические беженцы.

(Мониторинг по Евросоюзу, декабрь 2016 - май 2017)

Политическое убежище: беженцы и просители убежища. Вторая часть.

Германия: российская политическая эмиграция в рамках политического контекста и миграционного кризиса 2015 года.

Германия, как одна из самых старых и финансово устойчивых стран Западной Европы и Евросоюза, в момент начала сирийского кризиса приняла к себе самое большое в Западной Европе количество беженцев (более миллиона сирийцев, не считая беженцев из Афганистана, Ирана, Ирака) и все интеграционные и официальные процессы, а также процессы сопровождения, связанные в том числе с российской эмиграцией нельзя рассматривать в отрыве от общего политического контекста страны в этом периоде.

Российская эмиграция современного путинского периода также ищет в Германии спокойного пристанища. Сюда приезжает уже не первая волна российских граждан, в том числе основываясь на политической повестке, действиях властей, полиции, судов и выбирая разные линии миграции.

Каждый из интервьюируемых для этого исследования говорит, что основной или одной из причин для отъезда из России была актуальная политическая ситуация в стране и состояние гражданских институтов. Некоторое исключение составляют студенты, которые выбирают страну по принципу лучшего и более удобного процесса обучения, но и эта группа замечает, что некоторым образом политическая повестка может повлиять на решение дальнейшего поиска работы: в России или вне ее.

Российская политическая эмиграция в Европе, как уже упоминалось в этом исследовании состоит из трех относительно разнородных групп:

- преследуемых по этническому признаку, то есть выходцев из Северного Кавказа, в первую очередь из Чечни и Дагестана.
- политических беженцев¹, как их определяет ст. 2 гл. 1 [Конвенция о статусе беженцев](#),
- неоднородный миграционный поток, который состоит из студентов, предпринимателей и др.

Все опрошенные эксперты и собеседники для этой части сходятся во мнении, что процедуры, связанные с официальным оформлением документов, получением видов на жительство, статусе политического беженца в Германии, начиная с 2015 осложнены притоком граждан Сирии, которых в Германии сейчас находится больше миллиона.

---

¹ В настоящей Конвенции под термином «беженец» подразумевается лицо, которое: /... /в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений.

Процедура и способы подачи прошения об убежище в Германии.

В Германии нет Министерства по делам миграции и миграционных систем, а всеми вопросами приема и регистрации прощений об убежище занимается ведомство [BAMF](#) (ведомство по приему и оформлению иностранных граждан), созданное при Министерстве внутренних дел.

При этом немецкое законодательство о мигрантах фактически провоцирует приток людей внутрь страны. Эксперт партии SPD называет это «трагичной особенностью системы»:

«Парадоксальная трагичная особенность немецкой системы заключается в том, что ты не можешь подать на убежище снаружи. Ты можешь подать только изнутри.

Ты не можешь прийти в немецкое посольство в Омане, в Москве, в Бейруте и сказать «вот моя история» -- такой процедуры не существует. И возникает второй импульс, тянущий, говорящий «даже если шанс не 100%, а ограниченный, но даже просто попробовать ты можешь только внутри страны». Отсюда возник этот поток и это движение. Который вылился в такую трагедию, потому что в итоге европейская система должна себе задать вопрос сколько смертей по пути вызвано тем, что вы не в состоянии сформулировать какие-то честные правила игры».

Таким образом, все возможности подачи прошения об убежище в Германии могут быть осуществлены только внутри самой Германии. Собеседник исследования Алексей Козлов, редактор правозащитного сайта [Article20.org](#), в том числе консультирующий русскоговорящих беженцев, объяснил, что сама процедура прошения достаточно хорошо прописана, но также, как и другие собеседники исследования, признает, что сейчас все процессы замедлены. Также эксперт

рассказал, какими обычно способами российские беженцы могут попросить убежище в Германии:

«Один из способов «сдачи» -- это прошение об убежище в аэропорту и касается тех людей, которые летят транзитом через Германию. У них нет немецкой визы. Они попадают в схему фаст трек, которая на самом деле одна из самых унижающих и нарушающих все возможные права. Они летят в Турцию транзитом через Франкфурт или еще как-то. Выходят в каком-то из аэропортов и заявляют об убежище. Это проблема, она существует не только для Германии, но и для всех стран. Это по Дублину работает и это используется именно для того чтобы включался Дублин: если людей принимают в качестве просителей убежища в аэропорту, то ответственной является страна, в которой этот аэропорт находится. Именно поэтому такой способ очень не любят. В большинстве случаев схема фаст трека связана с ограничением свободы немотивированным. То есть человек еще не совершил никакого правонарушения, но при этом по факту его свободу ограничивают, из-за заявления, что он хочет получить убежище».

Анно Комаров, 44 года, член транс-коалиции на постсоветском пространстве, фотолобитель, в августе 2016 года был вынужден просить убежище в Германии и мог использовать только эту возможность в связи с особенностями семейного положения своего партнера:

«К тому моменту у меня был партнер, тоже транс-маскулинный человек, у которого был ребенок. К сожалению, получить визу на ребенка было невозможно. Россия упростила правила вывоза детей за рубеж, это очень здорово, согласие второго родителя, если ребенок едет с одним из родителей уже не требуется, но, к сожалению, безопасные для транс-людей и людей ЛГБТ страны: США и страны Евросоюза -- по-прежнему продолжают требовать доверенность от второго родителя».

Анно и его партнер приняли решение купить билет в Турцию, как в страну с безвизовым режимом и для въезда в которую доверенность от

второго родителя не требуется. Анно и его спутник выбрали транзитный вариант -- выйти на полпути:

«К сожалению, или к счастью, из Москвы транзита мы не нашли. Мы поехали в Минск и нашли единственного перевозчика, у которого не было прямых рейсов в Турцию за приемлемую для нас цену – это тоже важный был фактор. Это был немецкий лоукостер, у него нет прямых рейсов в Стамбул. Мы сошли на полпути и попросили убежище в аэропорту Франкфурт-на-Майне».

Анно Комаров описывает процедуру прошения убежища в аэропорту детально и признается, что она достаточно тяжелая:

«Крайне неприятная и есть риск подвергнуться злоупотреблениям со стороны полиции, к сожалению -- полиция везде полиция, а аэропортная полиция довольно часто бывает жесткой.

Мы сошли с самолета, нас подвезли к терминалу, дальше мы увидели – нас очень волновал этот вопрос – где же собственно там пограничный контроль, потому что мы летели из не шенгенской зоны в не шенгенскую зону и очень опасались, что у нас не будет доступа к каким-либо официальным лицам. Но все оказалось гораздо проще, официальные лица были вполне себе видимы, сидели за своими бюро.

Мы к ним подошли и сказали, что просим политического убежища. Я сказал, что я транс-активист, и, чтобы они сразу меня не депортировали, сказал, что и в России, и на постсоветском пространстве меня знают, как транс-активиста, в той или иной степени.

Нас отвели в некие помещения, где мы ждали багаж, дальше нас допросил полицейский, о том, что именно заставило нас просить политубежища. Мы описали каждый свою историю. Переводчик нам давался по телефону. На каком-то этапе меня остановили и сказали, что остальное мы сможем рассказать другим лицам позже. И только тогда я понял, что, скорее всего, нас впустят».

Анно пришлось уезжать быстро, он не успел поменять документы в России, с женского гендера на мужской, и это создавало сложности,

потому что телесные изменения уже произошли, а документы оставались старые. Действия полиции в части личного досмотра он комментирует как корректные, но считает, что те или иные нарушения прав присутствуют почти на каждом этапе коммуникации с властями:

«Там проходит личный досмотр, в этой аэропортной процедуре, это обязательный момент, ты полностью раздеваешься, тебя осматривают со всех сторон, можно выбрать гендер полицейского, который будет тебя досматривать. Мы выбрали мужчин, сам по себе досмотр был очень корректным. Но дальше был досмотр вещей и вот это было конечно ужасно. Пришла целая бригада полицейских и они были очень грубы. Они искали запрещенные психоактивные вещества, изъяли гормоны, которые мы везли с собой, несмотря на все наши протесты: позвали таможеню, и, сославшись на допинги, отобрали.

Уезжая из России, я предполагал, что страховка не покроет наши эндокринные препараты и мы взяли их с собой на год вперед. Наш гендерный переход требует гормонального поддержания, мы можем получать гормоны только извне. И это очень важно. Если ты не принимаешь гормоны и твоя собственная репродуктивная система не заработает, -- а в моем возрасте уже скорее всего не заработает, -- это опасность заболеваний, например, остеопороза. У нас отобрали гормоны несмотря на то, что в справке из медицинского учреждения было указано все: мое текущее имя, то имя которое в документах, направление перехода, то, что я принимаю гормоны постоянно и т.д.»

Вопрос соблюдения прав транс-людей Анно Комаров отмечает как сложный практически во всех странах и Германия не была исключением:

«То с чем сталкиваются транс-люди везде -- к нам пытаются обращаться несмотря на внешность, на произошедшие уже изменения, в женском гендере, как например ко мне, по документам, пытаюсь ссылаться на то, что они действуют по закону. Я очень много с ними спорил и объяснял, что они должны уважать гендерную идентичность человека. Когда отобрали

гормоны, я начал кричать уже громко и сказал, что обо всем сообщил адвокату, с которым тут же связался, воспользовавшись своими активистскими контактами, с людьми из международных правозащитных организаций. Сказал, что нам угрожают открытием уголовного дела из-за наличия гормонов. И через 15 минут у нас был адвокат. Адвокатка позвонила, спросила детали и сказала, что нам должны вернуть хотя бы часть. Но впоследствии нам вернули все».

Алексей Козлов комментирует прошение убежища в аэропорту как нечасто используемый. Наиболее используемый способ -- это переход границы и обращение в ближайший полицейский участок. Третьим способом эксперт называет подачу прошения непосредственно в ведомство ВАРМФ:

«Это федеральное ведомство по делам миграции и беженцев. Все беженцы находятся под его юрисдикцией. Если говорить о рекомендациях, то все рекомендуют сдаваться в это профильное ведомство, потому что у полиции как у непрофильного ведомства есть установка максимально стараться не принимать заявления, убеждать что этого делать не стоит и так далее.

В случае, когда ты сдаешься в профильное ведомство, все происходит достаточно быстро, хотя сейчас все намного медленнее.

После регистрации тебя направляют в распределительный лагерь и во время нахождения в этом лагере обычно проходит первое, так называемое «дорожное» интервью. Обычно дорожное интервью берут практически сразу, но сейчас из-за загрузки оно тоже может затянуться».

В распределительном центре просители убежища находятся от одного до пяти дней, чтобы в дальнейшем совершить трансфер, «переброску» в другой центр или общежитие.

Алексей Козлов говорит, что трансфер непредсказуем из-за ситуации перегруженности распределительных центров:

«Так как человек попадает уже в руки государства, он не особенно может выбирать и его могут направить в достаточно отдаленный лагерь, обычно

это происходит в границах одной земли и здесь возможны нюансы при переполнении, при отсутствии соответствующих специализированных чиновников, которые должны ориентироваться в стране откуда приехал соискатель убежища. Нет никакой гарантии, что если ты сдался в Берлине, то тебя только в Бранденбург переселят, а не в Северную Баварию и так далее. Сейчас это вообще тяжело предсказать. Раньше были такие по гражданству распределенные территории, сейчас такого уже нет, можно попасть достаточно далеко от того места, где ты первый контакт с властями осуществил».

Распределительные центры.
Темпельхоф

О том, какие первые процедуры проходит проситель убежища, комментарии для этого исследования дала социальный сотрудник берлинского распределительного (транзитного) центра Темпельхоф, Вероника Глазунова.

Темпельхоф находится в Берлине, был создан на территории бывшего аэропорта и представляет собой два ангара, внутри которых располагаются общежития, столовая, туалеты и душевые, а также бюро сопровождающей социальной службы:

«Темпельхофф считается самым большим транзитным центром на территории бывшего ГДР, сейчас на данный момент все те, кто оказывается в округе Берлина отправляются к нам на регистрацию.

Конкретно те беженцы, с которыми сталкиваюсь я -- это Афганистан, Ирак, Иран, Сирия, Россия (Чечня), Кабардино-Балкария, Дагестан, Молдавия, а также Сербия и Албания.

В Темпельхоффе человек проводит от 1-5 дней.

Мы его регистрируем, помогаем написать прошение о предоставлении убежища.

И каждое утро, в 7-00, от нас уходят автобусы в главное ведомство по регистрации на улице Bundes Allee, BAMF. Люди проходят там все нужные процедуры: отпечатки пальцев, второй медицинский осмотр etc.

Первичный медицинский осмотр они проходят у нас, тут же по прибытию -- это выявление острых инфекционных заразных заболеваний, пульс, давление, температура. Флюорографию делают уже в ведомстве.

Темпельхофф -- это ангар, в нашем ангаре мест примерно на 300 человек. Работники это называют соты, такие коробки, в каждой коробке в среднем 12 кроватей. И если кто-то остро болен, то есть карантинный отсек. Если у кого-то очень высокое давление, или диабет, то тут же мы его провожаем, в соседнем ангаре медицинский центр. Там человеку могут оказать помощь, но достаточно скромную, только самые острые случаи.

Непосредственно в BAMF уже снимают отпечатки пальцев, делают флюорографию, там же все первичные бумаги, мы не очень в курсе этой бюрократии, потому что нас это не касается. Мы просто объясняем людям, что с ними будет происходить, даем начальную информацию. Некоторые из них у нас находятся один день, другие возвращаются вечером, у них вторичный этап в ведомстве, интервью.

Иногда это длится до 5 дней, людей возвращают к нам на ночевку. А потом их перенаправляют либо в какое-то другое общежитие, либо вообще в

другую землю, поэтому наш и другие такие центры называются распределительными или транзитными.

Сотрудники центра, со слов Вероники Глазуновой, не могут разговаривать с людьми на предмет их шансов на получение убежища, так как в их обязанности входит только прием и помощь в первичной процедуре направления для регистрации в BAMF:

Мы, естественно, ничего не говорим о шансах, даже если мы что-то знаем. Мы говорим только: «Завтра в 6-30 нужно быть вот здесь, потому что в 7-00 уходит автобус.

Вы получите сухой паек, все чемоданы, даже если у вас их 10, все равно придется взять с собой, скорее всего вы вернетесь к нам вечером, но может быть такое, что вас сразу же перенаправят, так что ничего здесь, в лагере оставлять нельзя».

Мы рассказываем, что скорее всего они здесь пробудут 2-3 дня, что мы не можем им гарантировать останутся ли они в Берлине или может быть послезавтра они будут в Мюнстере.

Процедура индивидуальна, хотя мы, конечно, по опыту можем сказать сами себе у кого есть шансы и у кого их нет. Но, если честно, то в ведомстве жуткий бардак, там не обработанных десятки тысяч заявлений и все очень долго длится.

В целом проблема с размещением, считает Вероника Глазунова, в Германии решена: распределительных центров и общежитий большое количество во всех 16 землях. Только в одном районе Берлина, Weißensee, к примеру, 9 общежитий:

«Но это такие маленькие общежития: бывшие школы, бывшие сады, которые сейчас быстро переделывают под жилье. До Темпельхофа я работала в таком маленьком общежитии, оно было сделано в бывшем спортзале начальной школы. Проблема с общежитиями в целом решена. Проблема есть с квартирами. Потому что людям хочется жить в человеческих условиях и вот квартир как раз не хватает. Тем более дешевых квартир. Они могут там жить и когда уже есть ВНЖ или даже раньше. Поэтому буквально сейчас строят и много. Оплачивает жилье государство. Просто многие владельцы квартир не желают связываться с человеком, у которого нет статуса. Все пытаются как могут отказать.

В Темпельхофе сейчас строят такую деревню из контейнеров, отдельно для семей, с кухней и туалетом.

Аналогично рассказывает о ситуациях с попытками снять квартиру и Алексей Козлов, неоднократно помогавший своим подопечным консультациями в этом вопросе:

«Так как после регистрации человек привязан к своему месту и, если у него средств снять собственное жилье, где большая степень свободы, а в большинстве случаев у него нет средств, и вот в такой ситуации я не скажу, что арендодатели готовы прямо раздавать свое жилье. Здесь даже не в ситуации просителя убежища нелегко снять жилье без какой-то кредитной истории, а когда ты говоришь, что находишься в процедуре, то отношение понятное».

Особенности миграции в Германии

В германской социал-демократической партии SPD называют случившийся кризис коллапсом:

«Нет системы информации будущих мигрантов, ее не существует, особенно в Германии. Это принципиально отличается в этой стране от практически всех европейских стран. Здесь нет закона о миграции, здесь нет министерства, которое за это отвечает. [BAMF](#), (ведомство по приему и оформлению иностранных граждан), это на самом деле не министерство, а агентство, оно было созданы всего пять лет назад, это не частная структура, но у них нет статуса, это не формальный портфель, который существует. Есть образовательная политика, есть внутренняя политика, оборонная и так далее. А миграционной политики /в Германии/ не существует как портфеля».

Собеседник исследования убежден, что это результат политики страны с не колониальным устройством:

«Это такое поле, от которого немцы отпихивались все последние десятилетия, показывая пальцами на всех вокруг, в первую очередь на французов, британцев, голландцев, говоря: «Ну, мы же не колониальная держава, почему мы должны этим заниматься?»

Потому что генезис и история миграции в большинстве стран Европы – это [деколонизация](#): это пример Алжира, Индонезии, у всех свои процессы, но они похожи. А в новой Германии все началось с гастарбайтеров. Это принципиально другой посыл: «Мы приглашаем рабочие силы к себе!». И было такое ощущение в обществе, что вот люди приехали, поработали, помогли нам выстроить экономическое чудо и потом они уедут. А они никуда не уехали, а остались, привезли или образовали свои семьи и так далее. Но германская политика до сих пор, до 2015 года отпихивалась от необходимости считать этот вопрос действительно важным для страны».

По признанию источника, нет также и существующего информационного потока вовне, который декларировал бы условные «правила игры».

Необходимо отметить, что во Франции, число принятых беженцев из Сирии в которой является несопоставимым с Германией, с 2015 года признаны около 80000 беженцев сирийской войны были внесены поправки в существующее уже миграционное законодательство, упрощающие процесс с точки зрения не только сроков, которые сейчас существенно сокращены до 3-х месяцев в рассмотрении прошения и вынесения решения, но и было увеличено количество сотрудников в миграционной службе и службах сопровождения.

Таким образом, по словам источника, единственной существующей системой, для принятия любых иностранцев является система политического убежища и международной защиты, которая не рассчитана на прием человеческих потоков, а выстроена для рассмотрения каждой индивидуальной истории, считает источник исследования:

«Это система политических беженцев. И тут возникла парадоксальная ситуация, потому что эта система изначально, в послевоенной Конституции, заложена на самом деле для принятия ну, скажем, трехзначных чисел количества людей.

Диссиденты, узники совести, преследуемые диктатурами меньшинства, христиане в Китае etc. То есть никогда речь не идет даже о тысячах, а не то что о массах. Речь идет об индивидуальных случаях.

И поскольку второй системы нет, а именно миграционной системы, которая способна что-то делать с этим промежуточным статусом временного бегства от военных действий, на 2-3 года по Женевской конвенции, по сути все эти сотни тысяч, приехавших в Германию, подали на политическое убежище, считая, что это нормальный прямой путь».

Политический дискурс.

Взаимодействие с полицией

Несмотря на первый коллапс, связанный с огромным миграционным потоком, все эксперты, в той или иной степени сходятся в том, что страна предпринимает усилия по нормализации и стабилизации обстановки, обработки документов. Германия декларирует шаги по депортации, которые могут значительно облегчить существующие процедуры, с одной стороны, с другой стороны, часть экспертов считает такие процедуры некоторым политическим лукавством.

Уже цитируемый выше источник исследования в партии SPD говорит, что перед выборами все существующие политические партии предпринимают множество трюков:

«Можно смело сказать, что, например, самая большая земля Северный Рейн-Вестфалия приняли достаточно жесткую позицию по отношению к существующей ситуации, несмотря на то, что там и «зеленые» близки и SPD там правит, как левая партия.

На них очень сказались события в Кельне. Сейчас, когда разобрались, что там происходит, из изначальной истории не осталось практически ничего. Как и с сюжетом про «девочку Лизу».

Все разобрались, но память о том, что «это будто бы было», привела к тому что у них выборы скоро -- май-июнь, и это самая большая земля, партии воспринимают эти выборы как предвестники национальных, и там стрелки поставлены так жестко, что оттуда идут самолеты в Афганистан, с депортируемыми.

Причем это ведь чисто символические ходы, потому что в каждом самолете по 15 человек, такими темпами они будут депортировать 300 с чем-то лет. То есть это исключительно для картинки в новостях, что «самолеты взлетают», «их возвращают». При этом возвращают осужденных. Это очень подлый обобщающий трюк, потому что, когда правозащитники открывают рот, чтобы сказать «как вы можете», выступает министр внутренних дел и говорит: «это все осужденные, извините, правонарушители».

А никто не может себе позволить в добропорядочном немецком обществе аргументировать за то, чтобы оставить преступников. Если ты преступник, ты

потерял моральное право на политическое убежище. Трюков много и с ними играют все существующие политические партии».

В такой обстановке огромного количества иностранцев, с текущим информационным полем, с необработанными досье, а также людьми, ожидающими ответа на свое прошение, соискателями убежища, возникает некая серая зона, в которой вполне находится место злоупотреблениям.

Вероника Глазунова, помимо работы в берлинском распределительном центре Темпельхоф, работает в психологической консультации по оказанию помощи беженцам и, в ряде случаев, осуществляет сопровождение просителей убежища. Она работает с семьями из Чечни, Дагестана, Кабардино-Балкарии и неоднократно консультировала семьи после происшествий с полицией:

«Есть много случаев, да. Сейчас полиция совершенно перегружена и не справляется. Им явно не хватает ни людей, ни – главное – понимания, как себя вести. Я вполне допускаю что в такой серой зоне, когда вдруг возникла куча бесправных людей, просыпаются какие-то алгоритмы и инстинкты, которые в обычной жизни здесь давно уже просыпаться не могли».

Эксперт рассказывает о случае с чеченской семьей, соискателями убежища, когда учитель в школе допустил дискриминирующую реплику в отношении одного из чеченских учеников:

«Учитель в школе тупо пошутил перед всем классом, мол, ты чеченский террорист и изобразил автомат. Ну, учитель, я считаю, идиот. Парню 16 лет, и, когда через пару дней была какая-то потасовка мальчишеская, на следующий день рано утром в дом пришла полиция, без бумаг и без звонка. «Ну что, ты там с кем-то подрался? Но на самом деле нас это не интересует. До нас дошла информация, что ты собираешься в Сирию». И его тут же осмотрели, обыскали, поговорили...

Дальше дело не пошло, семья кинулась искать помощь, пошла в консультацию, начали бороться, подключили адвоката, чтобы вот эту клевету с них сняли, но они, конечно, были напуганы. Отец слег в реанимацию с инфарктом. Представьте, как они боятся, потому что, если

такая информация каким-то образом дойдет до самой Чечни, будут сожжены их дома и жертвами станут все родные».

О другой, гораздо более драматичной истории, рассказывает Виталий Г., который также обратился с просьбой о предоставлении убежища в 2015 году. Виталий и его супруга обратились к властям Швейцарии, где они пересекли границу, но в приеме документов им было отказано в достаточно грубой форме: сданное ими досье было буквально выброшено сотрудниками полиции в мусорный бак.

Затем они пересекли границу и обратились с прошением уже в Германии. Семью зарегистрировали, поселили в общежитие и оформили пособие и медицинскую страховку.

Неожиданностью оказались действия полиции, в одном из центров. Виталий -- бизнесмен, вынужден был бежать от уголовного преследования, развязанного властями Кузбасса, приехав на автомобиле. Он знает, что выглядит не как стандартный для местной полиции беженец и отношение, которое он увидел описывает как шокировавшее его, больше того, нанесшее серьезный вред здоровью его жены:

«К этому времени у меня уже прошло первое дорожное интервью по рассмотрению моего ходатайства о предоставлении убежища.

Через неделю к нам пришел заместитель начальника нашего центра и сказал, что он переселяет нас в другую комнату.

Я сказал, что никуда не поеду, у меня есть памятка с правилами, я их не нарушаю и меня не за что переселять, ходите, проверяйте, я ни в чем вам не перечу.

На следующий день пришли пятеро полицейских, начальник лагеря и Красный крест нас выселять.

Мы с женой вышли и сели на лавочку, они вынесли наши вещи, бросили на землю.

Подходит полицейский и хватает мою жену за руку. И когда он ее дергал, он нанес ей удар в область живота. В итоге ее увезли в больницу и удалили почку. Я вернулся из больницы назад в лагерь и переночевал на улице. На следующий день начальник лагеря сказал, что заселит меня назад, но почему-то отложил заселение еще на два дня. И я жил три дня на улице.

Супругу выписали из больницы через 3 недели, мы пришли в полицию в тот же день, она находится там же, на территории центра, чтобы написать заявление о нападении полицейского. Но нам отказали, потому что этот полицейский был в отпуске. И когда он выйдет, тогда пообещали разбираться».

Сейчас Виталия и его жену перевели в общежитие на территорию другой земли, ситуацию в котором он комментирует как спокойную, а отношение сотрудников и социальных служб, как корректное и доброжелательное. Тем не менее, суд по заявлению полиции предыдущего центра предъявил ему обвинение в оскорблении полицейского и приговорил к штрафу в 600 евро или заменяющему штраф тюремному заключению (документы, подтверждающие вынесенное решение на русском языке, есть в распоряжении автора исследования).

Алексей Козлов комментирует ситуацию, как случай, с которым он встречается впервые:

«Адвоката мы не смогли им найти, а в такой ситуации основная проблема заключается в том, что нет языка. Есть куча немецких правозащитных организаций, которые занимаются наблюдением за полицией, и так далее. Основной момент отношения именно к ним был связан именно с этим пробелом, понятно было, что он не сможет адекватно оспорить какие-то вещи, особенно полицейские и судебные протоколы и решения. Отсутствие каких-то сопровождающих, которые могут им как-то помочь, отсутствие у самих знаний и того, и другого, если бы был хотя бы английский, то было бы уже проще. И как только возник вопрос адвоката, то это возможность найти только русскоязычного, и это настоящая проблема. Я сейчас ищу совершенно по другой линии адвоката в Берлине и это тяжело».

Сам Виталий рассказывает, что при попытке обращения за помощью к русскоязычным адвокатам, он не мог продвинуться дальше первого разговора, потому что стоимость за услуги, которые предлагают в таких бюро, составляют не менее 10 тысяч евро.

Алексей Козлов подтверждает существование проблемы и некорректного отношения в большей части русскоязычных адвокатских бюро:

«Адвокаты русскоязычные, адекватные, не пытающиеся заработать на этом - их единицы просто.

Те, с кем мы работаем в большей части -- это ЛГБТ-беженцы, и когда доходит до адвокатов, все обстоит намного проще, потому что это все англоязычные люди.

А семье Виталия нужно найти сопровождающего. Проблема Германии в этом – все очень локализованы. Федеральные организации, с большой сетью есть, но их очень мало. В основном, это организации земельного и даже городского уровня. Все крупные группы даже если и связаны между собой, то каждая по отдельности очень отличается друг от друга.

Amnesty-Кельн и Amnesty-Берлин, хотя они и входят в одну организацию, отличаются друг от другой даже структурой, будем говорить. Тут хотя бы может циркулировать информация.

Виталию могли бы помочь какие-то организации, которые занимаются беженцами и надо идти подряд во все. И просто нужно найти какого-то русскоязычного человека там. Но это такой так называемый экстенсивный пульс, когда есть 20 организаций, и ты идешь в каждую, и есть вариант что ты никого не найдешь. Но и шанс, что ты кого-то найдешь в 21-ой, тоже есть. И, конечно, сам Виталий, в общем, нетипичный представитель среди беженцев, и есть определенные, при этом совершенно притянутые за уши, признаки того, что с ним так можно поступить: он крупного телосложения, предприниматель, хорошая машина на которой они сами и приехали, недешевая, и ситуация была совершенно не разруливаемая. И он в их категории попадал в какую-то другую схему. И вполне возможно, что кто-то начал третировать, а потом возникла просто так называемая «корпоративная солидарность».

**Психологические аспекты.
Интеграция.**

Виктор Островский, исполнительный директор ассоциации «Феникс-Кёльн» ([Phoenix eV](#)), Центра культуры и интеграции мигрантов, считает, что с этими проблемами успешно справляется существующая в стране грантовая система поддержки НКО и ассоциаций, которые удовлетворительно работают, в том числе, в миграционном и интеграционном поле. Виктор Островский приводит в пример десятилетний опыт ассоциации, которой он руководит:

«У нас имеется десятилетний опыт работы с беженцами, за последний год наша деятельность в основном связана с этой целевой группой. Опыт работы - в области интеграции на рынке труда. Если говорить о нынешней "волне" беженцев, основной проблемой этой группы является очень низкий уровень образования. Я приведу только некоторые цифры: около трети из этой группы не закончили школу, а три четверти не имеют профессионального образования. В Германии существует целая индустрия интеграционной работы, на которую тратятся миллиарды евро из бюджета страны. Явным результатом успешной работы этого сектора является тот факт, что Германия приняла более миллиона беженцев в течении последнего времени, и при этом жизнь в стране никоим образом не стала хуже».

Говоря об особенностях, связанных с политическим беженцами из России Виктор Островский отмечает те же трудности, о которых упоминают и другие эксперты:

«Особенность этой группы в том, что им не дают статуса беженца и соответствующих прав. Поэтому они остаются в Германии в статусах, которые предполагают меньший объем прав и высокую степень неопределенности. В состоянии этой неопределенности они живут годами».

Алексей Козлов, уехавший в Берлин с января 2013 года после многочисленных угроз в их адрес и адрес его жены, правозащитного

адвоката Ольги Гнездиловой и бездействия полиции по этому поводу, рассказывает, что в какой-то момент он и его жена серьезно рассматривали процедуру прошения убежища:

«Я сразу уехал в Берлин, потому что хотел продолжать свою деятельность правозащитную, а темой России заниматься в Германии не в Берлине практически невозможно. Германия была связана с визой, потому что в какой-то момент мы серьезным образом рассматривали вариант убежища. Затем, уже здесь, в 2013 году мы с коллегами основали организацию немецкую, которая длинно называется «Солидарность с граждански движением России», и с тех пор работаем здесь.

Я очень не хотел изначально просить убежище, это был бы исключительный вариант, потому что в то время было более жесткое законодательство, которое ограничивало передвижение даже по Германии. Это означало, что ты год или больше сидишь в каком-то одном муниципалитете, куда тебя отправляет немецкое государство и даже выехать из него можешь только по разрешению. Все это означало для меня остановку деятельности, плюс это безусловно влияет на семью. Либо семья с тобой, они так же находятся в процедуре, либо они не с тобой, вне пределов страны и у них могут быть проблемы. Потом ситуация изменилась, но нам к тому времени уже удалось организовать, и мы обошлись без этой крайней меры».

С точки зрения Германии, как страны убежища для русских эмигрантов, Алексей Козлов осторожно говорит о том, что прошение политического убежища лучше рассматривать в исключительном случае:

«Если речь не идет об очевидном уголовном преследовании, то конечно я бы не рекомендовал обращаться в Германию за убежищем сейчас. Да, есть прецеденты быстрого получения, но история должна быть незамутненная и очевидная.

И даже в этом случае нет гарантии, что ты не прождешь уже после интервью достаточно долго. Поэтому это должен быть тот случай, когда нужна международная защита. В любом другом случае, к сожалению, Германия не лучшая страна для эмиграции. Если нет языка, будут серьезные проблемы и с работой, и с повседневной жизнью. Своеобразны и ритм жизни, и стиль жизни, и, если речь идет о том, что есть возможность выбрать, то, конечно, я

рекомендовал бы что-то более доступное для русскоговорящих людей: Прибалтика, славянские страны, Чехия, Польша, где и язык учится быстрее и страна дешевле».

Вероника Глазунова, работающая в рамках психологических консультаций беженцев в порядке сопровождения, говорит, что самым трудным является совокупность всех факторов культурного шока: отсутствия языка и потеря социального статуса, который в Германии осложняется текущим, пусть уже частично локализованным, но полноценным миграционным кризисом. Почти всем людям необходима поддержка в виде всех составляющих интеграционных процессов: переводчика, адвоката.

«Есть социальные службы и социальные консультации, одна из них я в ней работаю, там психотерапия после каких-то таких случаев. Они очень хорошо связаны, у них есть социальная консультация, они начинают решать вопросы, и они могут выдать ваучер на адвоката. Они могут помочь с переездом, выдать ваучер на деньги, они могут выбить деньги, если ты жертва -- за моральный ущерб, от государства. Но человеку все это нужно хотя бы знать».

Первое, что рекомендует эксперт -- это приготовиться к испытаниям: «Человеку просто необходимо подготовиться к тому, что он обезличивается с психологической точки зрения.

К тому, что все очень долго длится, к тому что ему никто не даст конкретного ответа ни завтра, ни послезавтра, ни через месяц и он будет между небом и землей очень долго.

Что к нему будет пренебрежительное отношение. Что он себя потеряет, что, если, например, ему нужно к врачу, не все врачи частнопрактикующие хотят связываться с таким пациентом и ты не сможешь их заставить. Они конечно не скажут «мы не принимаем беженцев», они просто скажут «все занято на полгода вперед». Официально у тебя конечно есть права, но как они в жизни реализуются это другой вопрос. Потому что не хватает социальных работников, не хватает консультантов, а человек без языка он же не может настоять».

Вероника Глазунова считает, что в ситуации вынужденной эмиграции в Германии, нужно дать себе время и понять, что как минимум год будет психологически тяжелым:

«Это будут сплошные неудачи, отказы и потери. Ведомства, какие-то письма, какие-то звонки бесконечные.

Психологический ресурс, чтобы это прожить – это знать и понимать зачем ты это делаешь, и, наверное, легче, когда ты понимаешь, что нет обратного пути. Потому что, если путь хоть какой-то есть обратный, я бы, честное слово, предложила 10 раз подумать. Я бы посоветовала разговаривать с людьми, которые через это прошли, чтобы понимать: это не лично ты. У очень многих людей развивается депрессия, что «вот меня не хотят, меня не любят, мне отказали». Больше общаться с людьми, которые уже все это пережили, прошли.

Я наблюдаю много людей и обычно не знаю насколько у них аховая ситуация и часто я думаю, что это слишком тяжелый путь. Особенно когда я вижу, например, украинцев, которые приезжают. Это люди средних лет, хорошо одетые, и они смотрят на этот ангар, на вот эти нары, и мне их жалко, потому что я думаю стоит ли это всего. Может быть лучше искать любую другую возможность -- у двоюродной тети где-то пересидеть, потому что здесь это все тяжело».

Источник исследования из социал-демократической партии, комментируя ситуацию с предстоящими выборами, говорит, что ободряющим фактом текущего дискурса является то, что Германии удалось увести дискуссию из поля внутренней безопасности, несмотря на остроту ситуации. Германия -- это страна из 17 государственных систем: 16 земельных и 1 федеральной. Множество плюсов федерализма оборачивается в решении миграционного вопроса, с точки зрения эксперта, катастрофой:

«Они друг с другом в этом масштабе никогда не учились разговаривать – с таким количеством случаев и так далее. Решение о пребывании на коммунальном уровне независимо принимает коммуна.

Но никто не давал им деньги на сотни тысяч человек по всей стране, пришедших в одном только 2015 году. Было много вот этих мест, где система полностью просто сколлапсировала и только сейчас идет разбирательство.

Эта тема ушла, и это хорошо, с передовиц, потому что вот сейчас начался промежуток где речь идет о том, чтобы привести этот пароход в более-менее работающее состояние. И еще лучше, что эта тема не перешла в дискуссию о внутренней безопасности. Несмотря на теракты, несмотря на то, что были случаи. Это особенность немецкой политической культуры, ажиотаж очень сложно распространять, несмотря на то, что он локально существует и был вот этот тунисец со своим грузовиком, и все это на фоне свежих воспоминания о Ницце...

А в Германии же не было таких терактов никогда – ни Батаклана, ни Ниццы здесь не было. И тем не менее. Дискуссия не ушла полностью в направление: полиция, депортация и так далее. Этот дискурс идет и, конечно, то, что у правых радикалов, у AFD сейчас двузначные результаты, чего никогда не было, пусть они и не сравнимы с Front National во Франции. Но тем не менее для Германии это шок -- то, что националистическая партия на грани конституционной легальности и они находятся у тебя под носом. В 2015-16 году, поскольку система сколлапсировала, все вытащило на себе гражданское общество.

Сейчас, когда я говорю «все этим занимаются», это значит, что это национальная катастрофа и одна большая национальная тема.

И на сегодня это единственная задача и политическая повестка, над которой работают абсолютно все политические партии Германии».